

Что такое грамматика? (Грамматика как философская проблема)

Гусева А.А., ИФ РАН

Аннотация: В статье делается акцент на необходимости осознания цельности языковой системы; буква (выбор письма и само письмо), с которой начинается любая речь, предполагает жесткую постановку себя перед выбором отношения к миру, вещам, языку. Выбор буквы – это выбор грамматики как устройства мира, как положения вещей, о котором следует свидетельствовать целому народу на протяжении столетий.

Ключевые слова: Философия грамматики, буква, письмо, еркатагир, коптская письменность.

«Буквическое» искусство и смысл грамматики

Любая грамматика, как вид учебно-описательной книги («Краткая грамматика английского языка», например, или «Историческая грамматика русского языка», «Сопоставительная грамматика славянских языков»), как уже описанная и готовая структура языка, как внутренний образ мира, заложенный в языке (почти гумбольдтовская внутренняя форма), начинается с элементарного. В данном случае поиск и анализ элементарного дает смысловое завершение грамматики – грамматики-размышления-разведывания, относящегося к философии. Элемент грамматики, как это следует из корня, - γράμμα, буква, синоним термина στοιχεῖα, но все же – грамма. Буква, нераздельно выговариваемая/выписываемая со звуком. Это понятно и сейчас: поскольку в звуке живут и звуком различаются значения, то звук неизбежно должен не просто входить в грамматику, а даже определять ее. То же касается и буквы. Само слово грамматика происходит от γράμματικὴ τέχνη, т. е. от «буквического» искусства – не есть ли это искусство описывать мир буквами? Если так, то это искусство вполне гносеологическое. Ведь невозможно описать то, к чему не встал в отношение, - чего не познал. Буква в таком понимании определенно становится связкой между миром и скриптором. «Буквическое» искусство, искусство, происходящее от букв, как от муз, – как и любое другое искусство – внутренняя часть человека, его свойство. Мир пишется

и/или выговаривается и так познается. Если мир пишется – то пишется история (история народа, языка, история мысли ткется из свершившихся, аористных, событий), именно поэтому письмо – связка. Письмо не может быть универсальным (как есть универсальные грамматики). И в этом случае синонимический ряд, привычный для такого типа грамматик («универсальная – общая – философская»), не выстраивается. Письмо возможно для любого языка, но оно не универсально в смысле единых закономерностей, звуковой состав языка, несмотря на описанные фонетистами звуковые ряды, все же по-разному ложится в текст. Письмо – это особенное, индивидуальное, как голос. Не в смысле почерка, а в смысле написания.

Итак, грамматика – это устройство, система. И любая грамматика как устройство – неважно в каком смысле – начинается с выговаривания, а это само живое движение с ежесекундным стоянием на перепутье и выбором пути, сразу, в речи.

Часто употребление термина «грамматика» предполагает логически выстроенную, собранную и работающую систему – живую, а не застывшую. Именно в этом смысле одна из книг о Гегеле названа «Грамматика разума»¹. Интересно, что автор противопоставляет термин «грамматика» термину «энциклопедия», когда «все те понятия нашего разума, посредством которых мы осмысливаем окружающий нас мир и общаемся между собой, выстроены в простом алфавитном порядке», статичны, их можно взять с полки и рассмотреть.

Второй пример употребления термина – книга «Философия крымско-татарского языка»². Это название-оксюморон, выделение крымско-татарского наречия как языка – предмет спорный, т. е. языка нет, а философия есть. И это именно грамматика как построение отдельного крымско-татарского мира. В предисловии автор пишет о строгой иерархичности крымско-татарского бытия, и эта иерархичность начинается буквально сразу, с выговаривания – с фонетики, – проявляясь в законе межслового сингармонизма³: «Первое, что бросается в глаза, когда – его упорядоченность и гармоничность. Наличие некой иерархичности наблюдается на всех уровнях языка. Это

¹ Труфанов С.Н. Грамматика разума. Самара, 2003.

² Миреев М.В. Философия грамматики крымско-татарского языка. Симферополь, 2006 (http://www.turklib.com/lingo/filosofiya_grammatiki_krymskotatarskogo_yazyka.html).

³ Межслоговой сингармонизм – морфонетическое явление, при котором в пределах одного слова возможны гласные только одного ряда (переднего или заднего), одного подъема, и одинаковые по принципу лабиализованности. Сингармонизм свойствен тюркским языкам.

качество бросается в глаза уже на этапе изучения фонетики. Каждое аффиксальное наращение согласуется с 3 правилами сингармонизма. Эти правила, правда, выражены не так четко, как, например, в турецком языке, и действуют с отдельными оговорками. Тем не менее, без знания правил сингармонизма просто невозможно заговорить по-крымскотатарски. Эта упорядоченность также пронизывает и грамматические категории. ...Язык действительно подобен искусству и является главной сокровищницей опыта предков. Отказываясь от родного языка, человек теряет не только средство речи. Он теряет нечто большое – частицу своей культуры, частицу себя, обедняя при этом свое мировосприятие»⁴.

В основании грамматической системы (где грамматика, там выстраивание системы) лежит элемент - буква, грамма. Демокритовская буква, не названная, правда, граммой, как элемент была первоначалом грамматики и первоначалом мира. М.А.Солопова, рассматривая типологию атомистических учений, среди гипотез возникновения атомизма выделяет и лингвистическую, которая «предполагает влияние на формирование представления об атомах алфавитного письма»⁵. Так алфавит выступает как порождающая модель атомизма. Но чтобы это стало возможным, необходимо увидеть алфавит как грамматику. Элемент грамматики (неважно, грамма или стихия) – это элемент вообще: «В грамматике это элементы речи, на которые она делима, в то время как эти элементы уже не делимы на другие звуки речи, отличные от них по виду. В физике говорят об элементах тел, разумея под ними предельные части, на которые делимы тела, в то время как сами эти части уже не делимы на другие, отличные от них по виду. В геометрии говорят об элементах доказательства»⁶. И алфавит - уже «не просто набор букв, а определенный их порядок», - становится космосом⁷.

Буквами-кубиками строится речение. Но устная речь каждый раз произносится заново и рассыпается. Появление письма приносит принципиально иной подход. Письменная речь аористна. Устная – не касается времени, вне его, параллельна ему.

⁴ Миреев М.В. Там же.

⁵ Об этом см.: Солопова М.А. Античный атомизм: к вопросу о типологии учений и истоках генезиса // ВФ. 2011. № 9 (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=366).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Грамматика как род рефлексии становится возможной, когда появляется письменная речь, которую можно понимать и осмысливать.

Сейчас под грамматикой мы понимаем, прежде всего, нечто уровневое. Такое представление сформировалось под влиянием нашей книжно-дидактической культуры – если грамматика, то учебник, если учебник, то описание языка по модели «фонетика-графика/орфография-морфология-синтаксис». Действительно, возьмем любую грамматику и увидим ее части – орфоэпия и орфография, морфемика, слова или имена, синтаксис и построение суждений. И когда мы говорим о грамматике языка – имеем ли мы в виду учебник или грамматику как устройство чего бы то ни было, – мы всегда строим пирамидку из кубиков, не замечая их цветных граней и бесконечных комбинаций. Эта метафора – «грамматика» в современном понимании – требует если не отмены, то замены и уточнения.

Итак, грамматика чаще всего – устройство языка. В центре грамматики – человек, говорение им мира. Это говорение, поскольку имеет грамматику, осуществляется во времени. Поэтому, если речь идет о грамматике, начинать надо с категории времени. Все стекается ко времени: графемы (граммы), местоимение, синтагматика.

Точки натяжения грамматики – это буква-грамма, местоимение, время. Это принципиально важно для человека – его письмо, его позиция и позиция предмета при познании, так, наконец, возможно сложение бытия. Но первое здесь всё же буква-кубик, буква-элемент с цветными гранями. В букве – и «я» со всей горячей местоименностью, различием, разглядыванием, схватыванием, и время вещи как время познания и свидетельствования.

Различение буквы и звука – дело Нового времени. Для лингвистики как науки это будет чрезвычайно важно, потому что отсюда берет начало развитие фонологии, морфонематики, просодики. Но представим себе – реконструкция истории мысли – что это различие не было проведено, и буква и звук, графема и фонема, одно и то же. Такая парадигма мысли привела бы к редукции теории имен по установлению – конвенциональная теория смысла не состоялась бы, компаративистика развивалась бы иным путем, возможно, не таким «фонетическим»: известно, что языковые законы в большинстве своем касаются фонетических соответствий (например, закон Гримма-Раска о первом общегерманском передвижении согласных, вписавший германские языки в общеиндоевропейскую парадигму). Ткань языка кажется состоящей из лоскутков; несмотря на прекрасный узор и ручную работу, замороженность созерцанием не позволяет прорваться к началу, связанному с человеком, с познающей

личностью. Язык в таком восприятии фрагментарен, собрать его может только говорящий/пишущий человек со стилем.

И всё же это начало – буква. Не случайно такое огромное значение имеет все, связанное с буквальностью. (Само слово «буквально» чего стоит – это же прорыв к настоящему бытию вещей! «Буквально» – значит так, как оно есть!) Сейчас копыя ломаются копыя за букву так же, как они ломались во времена, например, Максима Грека и его переводов, или за букву «и»/«иже» старообрядцев, или еще раньше – в начале христианской эпохи. Нам принципиально важно найти опечатку, неточность, или, наоборот, писать с ошибками, причем с удивительно точными ошибками – ср. антиморфонематическое интернетское письмо, при котором нарушаются последовательно принципы русской орфографии (фонемный, фонетический, морфемный, традиционный). С одной стороны, буквализм – разновидность ругательства (буквалистский подход с негативной коннотацией), а с другой – буквальный как точный, верный, истинный. В букве скрыт вопрос об истине (по духу или по букве), вопрос свидетельствования. Впрочем, свидетельствование проходит тоже по всему языку. Мы свидетельствует речью, выбором звука, выбором форм и наклонений, сочетанием слов. Носитель языка, носитель речи выступает в данном контексте как реченосец, рыцарь, идущий в свой первый поход.

Существует устойчивый стереотип: изучать грамматику языка надо исходя из его уровней, или ярусов – т. е. от фонемы к тагеме (единице словосочетания). Мы обязаны следовать этому правилу, изучая новый иностранный язык – но это «дидактическое» наклонение материала. Августин в «Диалектике» делает иной ход – он, зная о существовании уровней языка (а мы считаем их изобретением Ф. де Соссюра или в крайнем случае дескриптивистов), нарезает язык словно бы ломтями, исходя из задач говорения как свидетельствования о мире.

Знамя реченосца

Алфавит, письмо – тоже свидетельство. Система письма – своего рода знамя. Особенно это касается т. н. грекофильских культур. С принятием христианства происходит смена мышления и необходимость свидетельствовать об истине, как никогда раньше. Возьмем два ярких, в некотором смысле контрастных, примера грекофильской культуры – коптскую письменность и армянскую. Оба языка принадлежат к разным группам. Армянский, индоевропейский, выделяется в

отдельную подгруппу. Считается, что он наиболее близок греческому. Коптский – неиндоевропейский, относится к афразийским языкам, и не имеет никакой грамматической (в обычном понимании) общности с греческим. Однако грамматика (в нашем понимании) этих языков подталкивает к ответам, входящим в противоречие с нормальной, научной позицией.

Железное письмо

Армянская письменность – *еркатагир*, «железное письмо», буквальное (невольная игра слов) процарапывание железом на века, с усилием, со скрежетом – и как тут не вспомнить «Грамматологию» и скрип то ли пера, то ли пишущегося, возникающего, восходящего как солнце мира.

В 301 г. Армения приняла христианство как единственную государственную религию. Однако целое столетие в христианизированной Армении не было письменности вообще – бытовые тексты записывали арамейскими или греческими буквами, приспособленными для записи звучащей армянской речи. Канцелярские дела велись на сирийском и персидском языках.

Месроп Маштоц⁸ поставил своей задачей создать письменный народный язык, который бы был средством сохранения национальной самобытности армян. Для решения вопроса о создании армянского алфавита был созван Вагаршапатский синод (404) – проблема решалась соборно, поскольку касалась всего народа, тем более что в тот период появилась возможность ослабить влияние Византии на внутренние дела Армении. Однако в это же время известны были и т.н. письма епископа Даниила, созданные на основе сирийского алфавита – некоторое время считалось, что это очень древний, забытый армянский алфавит. Месроп открыл школу, в которой стал обучать детей, взяв за основу эти письма. Но это Даниилово письмо было фонетически несовершенно, и обучение потерпело полный крах. Письмена месопотамского епископа не были приняты и поняты, как не было принято и понято ранее сирийское, арамейское и греческое письмо. Что это значит? Работа по созданию письменности, как кажется, заключается в том, что буква, или графема⁹, должна соответствовать звуковому строю языка. И в этом смысле буква равна звуку, точнее, равна выговариванию. Это означает

⁸ Месроп Маштоц (362-440) – книжник, переводчик, просветитель армян, создатель армянского письма.

⁹ Термин «графема» был введен И.А. Бодуэном де Куртенэ (*Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912*).

соответствие смысловому срезу языка, который (и это подчеркивается в Августиновой «Диалектике»), начинаясь с такого выговаривания, со звука, проходит через все уровни языка и, касаясь уха смыслом, заканчивается тоже звуком – но звуком понимания. Это не механическое соответствие звукотипу. Письмена Даниила были консонантные. Они были приняты к использованию еще в дохристианские времена. Иначе зачем сирийскому епископу специально для армян было создавать письменность в ущерб своему же языку и геополитическим интересам, когда и до этого армяне прекрасно пользовались в деловой сфере сирийским? Итак, Месроп потерпел поражение. Необходима была своя, армянская письменная речь¹⁰.

Месроп предпринял путешествие в Эдессу (как солунские братья Кирилл и Мефодий в Корсунь) для ознакомления с другими алфавитами и их бытованием в разноязыкой среде. Он изучает сирийский, греческий, арамейский, персидский – буквы-кубики с их многоцветными гранями, сочетания, связь с произносительными возможностями. Но 36 фонем армянского языка вываливаются из любого известного алфавита, любой из этих алфавитов стискивает мысль армянской речи и жмет ее. Месроп Маштоц провел важную работу - он определил значимые долготу, мягкость, звонкость, придыхание и в соответствии с этим, систематизировав будущее письмо, создал алфавит – принцип написания речи, и принцип этот был фонематическим, а не фонетическим, что позволило собрать воедино, в одну письменность диалекты Восточной и Западной Армении. Месропово письмо было совершенно для своего времени.

Из Эдессы Месроп поехал в Самосату, где каллиграф и ученый-грамматик Рофанос сделал своеобразную верификацию нового алфавита по всем правилам греческой грамматики, где описывались краткие и долгие гласные, простые, средние и густые согласные и пр. Рофанос Самосатский произвел работу в соответствии с традицией описания грамматики Дионисия Фракийского и деликатно не заметил отсутствия диакритик – смысловоразличительных надстрочных знаков, обозначающих ударение и придыхание, обязательных для греческого текста. Или заметил – и понял, что отсутствие диакритик в армянском алфавите Месропа обоснованно.

Описание – это осмысление, это придание грамматике (письменам) возможности выражать мир и свидетельствовать о нем. Однако в армянском алфавите нет ни одной

¹⁰ История обретения письменности армянами в основном изложена по: *Арутюнян Г.С., Бурэ К.С.* Армянский язык. М., 2011. С. 3-24.

греческой буквы, кроме «π» [y], которая имеет две части, подобно греческому диграфу ου [y]. Рофанос был каллиграфом, он придал четкие очертания буквам, зафиксировав длинные и короткие части – и это тоже была работа ученого: явным и видимым сделать то, что было едва заметным, слышимым и неосознаваемым. Армянский алфавит оказался таким прочным, что на протяжении четырнадцати веков не претерпевал практически никаких изменений. Его отношение к греческому (в связи с темой грекофильских культур) – отношение паронимии, части к целому, в то время как коптская культура, возникшая в дельте Нила с распространением христианства, стремилась к отношениям полной синонимии. Это было своего рода послушанием тождества.

Что случилось в дельте Нила

Проблема коптского языка и культуры возникла в связи с появлением в Александрии и вообще в Египте христианства. Греки, жившие в дельте Нила, соседствовали с египтянами, которые понимали греческую речь. Однако по мере продвижения проповеднической деятельности среди крестьян и прихода их к вере стало ясно, что необходим перевод Писания и богослужебных текстов. В основу этого перевода был положен язык простого народа. Сначала велись попытки записи демотическими буквами¹¹, но несмотря на обилие таких попыток, всё же такой способ письма, как ни странно (ведь египетский!), не закрепился – «не потому, что демотическое письмо было чрезвычайно трудным и громоздким, а потому, что от него просто веяло язычеством, что было совершенно неприемлемо для ранних христиан»¹², расселившихся по Нилу. Запись греческими буквами тоже была известна с дохристианских времён (с III в. до н.э.), особенно в Александрии. Но с изменением системы ценностей, с изменением онтологии греческий стал выражать и олицетворять христианскую идею. Он стал языком, выражающим истину и охраняющим ее. И весь грамматический строй – не тот, который мы знаем по грамматикам коптского языка, а

¹¹ Демотическое письмо – египетское письмо позднего периода. Направление письма справа налево. Для демотического текста характерно обилие лигатур, что крайне тяжело читается: «Страшные трудности надолго остановили ученых», деликатно констатирует словарь Брокгауза-Ефрона (*Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890-1907* (<http://www.vehi.net/brokgauz/>)).

¹² *Тилль В., Вестендорф В. Грамматика коптского языка. СПб., 2007. С. 34*

тот, который усваивали себе сами копты, – говорит о небывалом: о выстраивании и перемене мышления всего языка, языка неиндоевропейского, по индоевропейской модели. Так случился поворот языка - как поворот реки – но никто этого чуда не заметил.

Коптская письменность, восходящая ко II в. н.э., не сохранила имени своего создателя и систематизатора. Из 32 букв 24 имеют греческое начертание и название. Остальные (абруптивные – разновидность взрывных, характерная, например, для афразийских языков, и придыхательные) не соответствуют греческой фонетике, поэтому для них были взяты демотические графемы. Буквенная система потянула за собой и восприятие грамматики – коптский стал своего рода «младшим синонимом» греческого, при этом он стремился полностью слиться и раствориться в своем идеальном прообразе. На примере коптского языка видна уникальная роль граммы-буквы, которая потянула за собой всю систему выражения и понимания. Конечно, грамматика коптского языка осталась грамматикой именно коптского, неиндоевропейского с точки зрения нормальной компаративистики, но встает парадоксальный вопрос: такова ли она в реальности?

Коптский язык – потомок древнеегипетского, последняя ступень его развития¹³. На последней стадии развития естественно большое количество лексических заимствований – язык выработал свой номинативный ресурс, и на адаптацию уже не хватает силы. Подавляющая часть лексических заимствований шла из греческого языка, они употреблялись с артиклем (греческим!) мужского рода. Греческие глаголы перетекали в коптский в форме инфинитива или императива, поэтому греческий императив воспринимался и понимался как инфинитив. Заимствовались греческие артикли, союзы, частицы и междометия. Так, с достижением уровня тагем и синтаксических конструкций коптский язык, язык египетских христиан, претерпел именно то, что можно полноправно назвать переменной ума – изменением всего категориального строя мысли.

Вопрос о грамматике – сугубо философский, не случайно первые грамматики были философами. Любая грамматика «буквально» философская, но это надо увидеть. Мы ангажированы мифами и собственным непоколебимым научным мнением - в истории лингвистической мысли немало флогистонов. Только при рассмотрении

¹³ Грамматические описания и примеры взяты из: *Еланская А.И.* Грамматика коптского языка. СПб., 2010.

грамматики как философской проблемы они перестают затемнять суть вещей и приоткрывают интерпретацию человеком мира.